

TSYREMPILOVA Irina Semenovna, Dr.Sci.(Hist.), Associate Professor, Vice-rector for Science of East Siberian State Institute of Culture (1 Tereshkovoi St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670031; irina161073@mail.ru)

REGIONAL POWER AND RELIGIOUS INSTITUTES ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN 1920s–1930s: THE SPECIFICITY AND TRANSFORMATION OF RELATIONSHIP

Abstract. On the concrete examples, the article examines specificity and transformation of the state and church relationships on the territory of the Republic of Buryatia in 1920s–1930s. The regional geopolitical and historical-cultural peculiarities determined evolution of these relationships: from partnership to confrontation. The paper gives examples of the main events of the period, such as state registration, renovation split, closure and elimination of the places of worship, anti-religious practices, etc.

Keywords: state and church relationships, religious institutes, regional power, Buryatia

УДК 24-36

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

КУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ БУДДИЗМА МОНГОЛЬСКИМИ НАРОДАМИ

Аннотация. В статье автор отмечает, что для автохтонных насельников Центральной и Восточной Азии¹, в основном тибетоязычных и монгольскоязычных этносов, характерны две ведущие тенденции – буддийская религиозная культура и добуддийские религиозные культы, и приходит к выводу, что монгольская метаэтническая общность (Хамаг Монгол – все монголы) достаточно органично восприняла буддийскую теорию и практику. Более того, эволюция религиозной культуры монгольских народов фиксирует изменение социальных потенций, политических тенденций и ментальных параметров всей монголосферы в результате адаптации буддизма. Автор также пересматривает хронологические рамки адаптации монгольскими народами буддийской теории и практики.

Ключевые слова: буддизм, монгольские народы, адаптация, культурная традиция, Великий шелковый путь, уйгуры как адепты буддийской культуры, интер- и кросскультурные влияния, хронология

Буддизм, как известно, является одной из самых древних и ранних религиозных традиций, возникшей уже в ту пору, когда культурные и религиозные традиции многих этносов находились практически в зачаточном состоянии (VI–V вв. до н.э.). Буддизм имеет своих последователей не только в регионах, считающихся традиционно буддистскими, но также и в странах, где вплоть до XX в. о нем мало кто был информирован. Возможно, это свидетельствует о способности буддизма инкорпорировать локальные и региональные этнические религиозные традиции

¹ Термин «Центральная Азия» автор употребляет для обозначения устоявшегося в ориенталистике региона, отнюдь не подразумевая территорию бывшей Средней Азии.

и выступать в качестве доминирующей религиозной культуры, ничуть при этом не ущемляя этнические достоинства разных народов. Ярким примером данного феноменального влияния буддизма и его философских, мировоззренческих и поведенческих аспектов на культуру конкретной этнической общности является монгольская метаэтническая общность, или монгольская этносфера.

Историко-культурная составляющая в контексте социокультурных взаимоотношений трансграничных регионов Центральной и Восточной Азии представлена широкой палитрой религиозных традиций в данном регионе. Для Центральной Азии, населенниками которой в основном является тибетоязычное и монголоязычное население, характерны две ведущие тенденции – буддийская религиозная культура с особой специфичной формой теории и практики и добуддийские религиозные культы и обряды, до сего времени отправляемые в данном регионе.

Центральноазиатская конфессиональная сфера достаточно разнообразна, т.к. «разбавлена» кросскультурным влиянием христианства и местных этнических религиозных традиций (бон, тэнгрианство, индуизм и зороастризм). Анализ классификационных признаков религиозных традиций свидетельствует о том, что социокультурная идентификация в данном регионе происходит скорее по конфессиональным признакам, нежели по этническим. Регион Великой степи, населенниками которой являются монгольские народы, в этом смысле достаточно традиционен, однако все же социальные, культурные и политические процессы, происходящие в регионе, свидетельствуют о трансформационном и модернизационном изменении многих религиозных обычаев в контексте адаптации буддийской теории и практики. Процесс адаптации при этом имел свои этнодифференцирующие особенности, обусловленные родоплеменными особенностями традиционных религиозных обычаев, ритуалов и верований.

Практически на протяжении всей эволюции человечества сообщества людей организовывали свои группы в основном на основе родственных отношений. Вплоть до нашего времени почти все народы, населяющие нашу планету, имеют свою четко устоявшуюся систему родства. Многие народы хорошо ориентируются в своей этнической истории, до сих пор почитают как своих реальных, так и мифических предков. Почтительное отношение к предкам, а также к основателям тех или иных религиозных культур всегда играло одну из ключевых позиций в потестарных, традиционных, а также индустриальных и постиндустриальных обществах. Как утверждают многие исследователи этнических культур, система родства в различных сообществах всегда играла важную роль как на политическом, экономическом, так и на конфессиональном уровне.

Этнические социальные организации, возникшие на тех или иных территориях, всегда строили свою систему жизнеобеспечения в соответствии не только с ландшафтными характеристиками, но и – что особенно важно – учитывая климатические условия и особенности. В результате возникают различные типы этнических культур, выработавшие свою особую хозяйственно-культурную деятельность. Говоря о религиозной культуре и имея в виду все, что создано в результате творческой деятельности этнических обществ, – первичные религиозные воззрения и ритуальные практики; мифологию, в основном базирующуюся на религиозных мотивах; искусство, которое также в начале своего возникновения носило религиозный оттенок, необходимо подчеркнуть, что весь этот сложный комплекс эволюционировал в векторе социокультурной и политической жизнедеятельности монгольского сообщества.

Религиозные традиции, созданные этническими культурами, независимо от степени эволюции самих этносов и их культурных традиций, на наш взгляд, до сих пор сохраняют доминирующие позиции. Многие элементы духовных тра-

диций каждого этноса во временном пространстве, конечно же, изменялись, модернизировались и трансформировались не только в силу собственных эволюционных процессов, но и в результате кросскультурных влияний — со стороны этносов сопредельных территорий и таких феноменальных явлений, как мировые религии.

Наука — это сфера «человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания»¹. В ходе своего развития наука приобретает статус социального института, основной функцией которого является получение эмпирических и теоретических знаний и их результатов. Сумма полученных знаний и результатов методами научного поиска в совокупности образует научную картину мира в той или иной области научных знаний. Буддизм, надо отметить, уже в своей основе имел собственные представления о науках. Так, например, внутри буддийской религиозно-культурной системы уже существовали «Пять больших наук» и «Пять малых наук». К «Пяти большим наукам» относились искусство, грамматика, медицина, логика, так называемая внутренняя наука, включавшая в себя махаянские дисциплины и тантру. К «Пяти малым наукам» буддисты относили астрологию, поэзию, ритмику, лексикографию и драматургию. Непосредственной целью европейской и российской академической науки прежде всего является описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, происходящих в социуме, природе, окружающей среде и вокруг них. Столь развитое религиозно-философское учение, каковым, естественно, является буддизм, имеет свои собственные взгляды на происхождение мира, его смысл и строение, место в нем конкретного человека, вырабатывая тем самым собственное мировоззрение индивида. Понимание картины мира, выработанное столь мощной религиозной культурой, как буддизм, при встрече с традиционным представлением о строении мира кочевой религиозной культуры народов Центральной Азии, в т.ч. и монгольских, образует уникальную и оригинальную религиозную традицию, основанную на их синтезе [Абаева 2014: 95].

В сознании общества и конкретной личности на рубеже тысячелетий наблюдается деградация позитивного общественного идеала, выразившаяся в интеллектуальной растерянности и апатии. При этом социокультурная нормативность современного общества имеет тенденцию, исторически и генетически вполне объяснимую, к некой миграции — или внутри своей собственной этнокультурной среды, или связанной с полной сменой этнокультурных ареалов. Фиксируются также миграционные потоки с континента на континент. Так, например, монгольские этносы традиционно кочевали не только внутри своих родных кочевий (нутугов), что было четко зафиксировано степными законами и уложениями, но иногда пересекали и разрывали границы своих сопредельных сородичей, создавая тем самым некие этнотерриториальные потоки внутри огромных пространств Великой степи, где традиционно все монгольские этносы считались автохтонными.

Как известно, китайский император Ву Ди еще в 138 г. н.э. послал своего сановника Чжан Цина на запад в поисках союзников против гуннов. Путь Чжан Цина на запад занял у него 10 лет, обратный путь — 2 года. Именно Чжан Цин открыл для Китайской империи Западный край, т.е. страны Средней Азии. В результате его путешествия Великий шелковый путь стал двусторонним: дорога из стран Средиземноморья в Среднюю Азию, разведанная и пройденная еще эллинами и македонскими воинами в процессе их походов, а другая с востока — из Китайской (Ханьской) империи в ту же Среднюю Азию. В столице Кушанской

¹ Большая Советская Энциклопедия. 1974. М.: Советская Энциклопедия. Т. 17. С. 956.

империи того времени Дальверзинтепе, через которую также пролегал Великий шелковый путь, найдены многочисленные обломки буддийских атрибутов. Кроме того, там же археологи обнаружили буддийский монастырь и святилище, которые датируются I–III вв. н.э. В центре святилища была расположена буддийская ступа, около нее найдены реликты огромной скульптуры Будды. При раскопках были обнаружены многочисленные статуи различных бодхисатв и других персонажей буддийского пантеона. Нельзя не отметить и знаменитый буддийский комплекс в Каратепе, расположенный на правом берегу Амударьи. Так, Г. Вахидова отмечает: «Каратепе – это монументальный культовый буддийский центр наземно-пещерного типа, датируется I–III веками нашей эры. Он состоит из нескольких храмово-монастырских комплексов, а также пещерных помещений, расположенных в холмах и наземных постройках. Храмовый комплекс на Каратепе является одним из самых древних сохранившихся буддийских пещерных монастырей» [Вахидова 2014: 49]. При этом многие исследователи отмечают, что этот буддийский монастырский комплекс является достаточно оригинальным и уникальным с исторической и искусствоведческой точек зрения.

Как видим, вдоль Великого шелкового пути было очень много буддийских памятников, свидетельствующих не только о проникновении буддийской теории и практики непосредственно из северной Индии, но и о действующих буддийских монастырях, датированных I–III вв. н.э. Ведь от момента проникновения буддийской религиозной культуры вдоль Великого шелкового пути до появления буддийских монастырей и комплексов должно было пройти немало лет и даже веков. Не известно достоверно, с какого времени монгольские народы были втянуты в экономические, политические и социальные процессы вдоль Великого шелкового пути. Четко фиксируется лишь тот факт, что северная часть монгольской метаэтнической общности была более активно задействована в этих процессах по сравнению с центральной и южной частями.

Мы бы хотели также остановиться на хронологической проблеме адаптации монгольскими народами буддийской теории и практики. Наша гипотеза состоит в том, что, возможно, с буддийской культурой многие монгольские народы были знакомы через интеркультурные связи с религиозной культурой уйгуров, которые уже в VIII в. н.э. считались адептами буддизма. Уйгуры исторически проживали в Таримской долине, ограниченной горными системами Тянь-Шаня и Каракорума; в Джунгарии, в долине реки Или; в районах, примыкающих к Иртышу и Балхашу; в Южной Сибири, в долинах рек Селенга, Орхон, Тола, Керулен, и на севере современных провинций Китая Шаньси и Шэнси [Тургун Алмас 2008: 23]. В современной административной структуре КНР имеется Синцзяно-Уйгурский автономный район, основная масса населения которого на современный период являются адептами ислама. Но мы говорим об уйгурах, бывших уже в VIII в. последователями буддийской теории и практики. Некоторые буддийские источники впервые переводились на монгольский язык именно с уйгурского, а не с тибетского, как утверждают многие исследователи. На наш взгляд, именно уйгурский вариант буддийской теории и практики был в свое время знаком некоторой части монгольских народов, особенно их северному ареалу. Общеизвестно, что «Лотосовая сутра» была переведена на письменный монгольский в XIV в. По двум фрагментарным данным, найденным при турфанских раскопках, было зафиксировано, что они представляли собой именно уйгурский вариант письма, как утверждает японский исследователь Хигучи Коичи [Higuchi Koichi 2014: 5]. Фрагменты турфанских рукописей достаточно неоднородны по содержанию – они или слишком короткие, или достаточно длинные. Перевод самого объемного из них был опубликован с факсимиле, транслитерацией и комментариями В. Радловым в 1911 г. в *Bibliotheka Buddhica*

XIV в. в Санкт-Петербурге [Higuchi Koichi 2014: 5]. Все фрагменты переведены с китайской версии. По мнению Хигучи Коичи, уйгурские источники в основном переведены с китайской или согдийской версии, а с тибетского языка переводы очень редки, если они вообще есть [Higuchi Koichi 2014: 6]. Уйгуры имели также собственную интерпретацию буддийских источников.

Преимственность наиболее общих парадигм религиозной культуры монгольских народов и их историческая устойчивость диалектически сочетались с процессами ее поступательного развития, в котором опыт предыдущих стадий, все его достижения не отбрасывались, а сохранились и синтезировались в целостную систему религиозного сознания и поведения. Одной из высших стадий эволюционного развития религиозной культуры этого региона, несомненно, является система религиозных традиций, сложившаяся в результате синтеза тибетской и уйгурской формы буддизма с традиционными верованиями, культурами, обрядами и обычаями тибетского и монгольских народов Внутренней Азии.

Статья выполнена при поддержке гранта международного конкурса РГНФ-МОН «Постсоветское общество и буддийская Сангха: социорелигиозные процессы в России и Монголии». Проект № 15-23-03002.

Список литературы

Абаева Л.Л. 2014. Буддизм в контексте письменной культуры монгольских народов. — *Власть*. № 8. С. 94-99.

Вахидова Г. 2014. Путешествие в древний, таинственный мир буддизма Средней Азии. — *Материалы международной конференции «Буддизм в изменяющемся мире»*. 28–31 мая. Улан-Удэ. Доклады в авторской редакции. Улан-Удэ. С. 45-52.

Тургун Алмас. 2008. *Уйгуры*. 2-е изд. Алматы: ИД «МИР». 510 с.

Higuchi Koichi. 2014. How were Mongolian versions of the Lotus sutra translated, compiled and transmitted: through examination of the Turfan fragments. — *The materials of the Permanent PIAC Conference in 2014*. Vladivostok. P. 4-6.

АБАЕВА Liubov Lubsonovna, Dr.Sci.(Hist.), Professor; Principal Researcher of the Department of Philosophy, Cultural Anthropology and Religious Studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; luba-abaeva@mail.ru)

CULTURAL, SOCIAL AND POLITICAL COMPONENTS OF THE PROBLEM OF BUDDHISM ADAPTATION BY THE MONGOLIAN PEOPLE

Abstract. *The article suggests that two major trends: the Buddhist religious culture and the pre-Buddhist religious rites are characteristic of the autochthonous inhabitants of Central and East Asia, mostly Tibetan-speakers and Mongolian-speakers. While analyzing many aspects of ethnic specifics of the Mongolian people, the author concludes that the Mongolian metaethnic community (Hamag Mongol – All the Mongols) could rather organically apprehend the Buddhist theory and practice. Moreover, the evolution of religious culture of the Mongolian people fixes that the phenomenon of adaptation of the Buddhism by the Mongolsphere has changed in many respects their social potentialities, political tendencies and mental parameters. The author also reconsiders the chronological framework of adaptation of the Buddhist theory and practice by the Mongolian people.*

Keywords: *Buddhism, Mongolian people, adaptation, cultural tradition, Great Silk Way, Uyghurs as adherents of Buddhist culture, inter-cultural and cross-cultural influence, chronology*